

20p.

К 1364883

00

41

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

41

**Вологда
2005**

СОДЕРЖАНИЕ

Гоголя или Сталина	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
В. Серков, Н. Бушенев, К. Павлов	4
В МИРЕ РУБЦОВА	12
Г. Леффель, окончание	12
Ольга Фокина	13
Сергей Шведов	14
Автографы	15
ИЗБРАННОЕ	18
Ярослав Литвиненко	18
Вячеслав Белков	19
КОРОТКАЯ ПРОЗА	20
Павел Шабанов	20
Надежда Шилова	30
НАШ ЛАУРЕАТ	32
Виталий Бакуменко	32
Мелодия «Свежий ветер»	33
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	34
Петр Кузьмин	34
Юбилей	35
Итоги конкурса	35
Факты и мнения	36
В. Меркулов	37
Книжная полка	38
ГРАФИКА	39
Виталий Бакуменко	39
Василий Шуклин	41
Алексей Башкиров	43

ГОГОЛЯ ИЛИ СТАЛИНА?

Недавно зашел я в одну контору. В небольшой комнате сидят люди, человек шесть. Рабы. Только за компьютерами. Хозяин зарабатывает себе деньги на их труде... А когда-то, помните, дети выводили в своих тетрадках и на доске крылатую фразу: «Мы не рабы, рабы — не мы!» И вот все возвратилось назад. Хотя мы за капитализм не голосовали. Нас засунули туда силой. А «Единая Россия» — фасад новой жизни — это КПСС сегодня, только хуже, потому что расслоение общества достигло огромных размеров. Государство разлагает нацию, плодит предателей, жирующих чиновников и т.д.

Кто-то должен прийти. Кого хотите — Гоголя или Сталина? Лучше бы, конечно, обойтись Гоголем. Но справится ли он? Ведь Березовский и Ходорковский — это Троцкие сегодня.

Смешно смотреть нынче на Вологду. Зачем за Якуничева голосовали? В городе не хватает рабочих мест. Нужны два моста через реку (внизу и сверху по течению). Реформа ЖКХ грабит народ. И народ молчит.

Говорят, нет денег на писательскую организацию. Увольте трех высокооплачиваемых чиновников и денег хватит на содержание писательского Дома. Но, видно, писатели кому-то мешают, все-таки у них сохранился еще голос. Как и у профсоюза образования, который тоже, как кость в горле, у властей наших.

Нужен тотальный протест, нужны свободные газеты, иначе ничего не изменится в данном королевстве, в России, в которой стало в 2 раза меньше людей, в 2 раза больше дверей и замков, в 100 тысяч раз больше решеток и охранников. И вот миллионы здоровых мужчин, скучая, охраняют этот режим с пистолетами на боку.

Литератор

Стихи последних лет

Елена САБЛИНА

* * *

Как нелегко в Россию верить,
Россию видя вот такой:
Седая женщина у двери
Стоит с протянутой рукой.

За хлеба теплую краюшку —
Ну что ж, и это благодать! —
Перекрести меня, старушка,
Мне больше нечего подать.

Виталий СЕРКОВ

* * *

Склон покруче облюбую,
В рукопашный брошусь бой,
Вынув рифму не люблю,
С золочёною резьбой.

Чтоб атака штыковая
Захлебнуться не смогла,
Рядом память вековая
С пулемётом залегла,

И в обнимку с русской речью,
Искалеченной в бою
Перестроенной карточью,
Задыхаясь, запою:

«Ох, не зря враги злословят —
Православный крест на мне —
И в прицелы часто ловят,
Ставя крестик на спине.

Ох, накличат катастрофу!
Мысль горит во лбу, горька:
Ладят русскую Голгофу
Из любого бугорка».

Александр ДУБИНИН

ПОДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА...

В продажной пасти депутата
Моя законная зарплата.

Торчит...
Дай дух перевести.
Все сосчитать. Концы свести.

Чиновник-хват, да сват Наум
Смутили мой несчастный ум.

Один вития во плоти.
Другой бесчинствует в пути.

Бессильна рать. Бессилен воин.
Один чиновник быть достоин.

Да бредит ящик наяву.
Бюджет развития... Главу:
«Поди туда — не знаю куда...»

Юрий МАКСИН

* * *

Что такое любовь? Это тайна.
Люди к ней приближаются издалека.
Впереди — горизонт, отступает
окраина,
потому что любовь — на века.

Но однажды земное пространство
сгустится,
чтоб незримой стрелой в сердца
проникать.
За такую стрелу надо много молиться,
не сломаться, когда доведется
страдать.

В той стреле запах поля и свежего ветра,
звуки птиц, голос матери, руки отца...
Километры она сокращает до метра
и лучится из глаз дорогого лица...

И пространство Земли переполнится
светом,
и опять — горизонт. Только станет
теплей.

И неважно — зима на дворе или лето,
ведь Земля — это рай для влюбленных
людей.

Борис ЛУКИН

* * *

Назвали память Мнемозиной
и зачеркнули пару строк.
А стих не выдержал и смолк,
как будто пассажир транзитный...
Перрон. Вокзал. Он сбился с ног,
забыл, где запад, где восток? —
и вот присел он — с толку сбитый...
Ещё он вспомнит, дайте срок,
ещё он скажет между строк
зачеркнутых и любопытных,
как над перроном свет высок,
и как, между людьми, разлитый,
горяч
прощальный холодок.

г. Москва

АНТОН ЧЁРНЫЙ

РОДИНА

Этот город пешеходных
зебр и храмов
С фресочным облупленным лицом
Пахнет чем-то алкогольно-пряным
И слегка вечерним Череповцом...
Этот город, весь в сетях аллеиных,

Успокаивает лучше валерьянки...
Этот город пустырей и бакалейных,
Девочек обшарпанных у танка
Греет, холодит и снова греет...
Он такой один на карте мира.
Ночь настала. Тихо фонареет
Город вологодских сувениров...

Андрей КЛИМОВ

ПОБЕГ ИЗ ДОМА

Когда-то в детстве облачном всерьез,
Чтобы решить насущные заботы,
Уйти на север в снежные широты
Решил из дома я, молокосос.
И я ушел... Не мог я не уйти...
А зимний день у нас в стране не вечен.
И хорошо, что мне под самый вечер
Попала ферма прямо на пути.
И я шагнул, усталый, в этот кров...
А вскоре чай глотал из теплой кружки,
Смотря, как сном задетые старушки
Все суетятся около коров.
И захотелось очень мне ... назад!
Где ветер потерял в потемках ноты...
... И показались мелкими заботы,
Когда вдали родители не спят.
Не спят, не спят... И ночь для них

страшней

Любой войны, любого беспорядка:
Они боялись

приоткрыть тетрадку
И прочитать написанное в ней...

Татьяна БЫЧКОВА

* * *

Постою на мосту,
Посмотрю в пустоту
И увижу своё отраженье.
В глубине пустоты
Две неярких звезды

В бесконечном,
 как время, движеньи.
Тополиная пыль...
Сказка, вымысел, быль...
Не иду никуда ниоткуда:
Я стою на мосту.
Я смотрю в пустоту,
Где рождается
 бледное чудо.

Константин ПАВЛОВ

* * *

Я сегодня проснулся в раю:
В желтом стоге душистого сена,
Посреди тишины, на краю
Первозданной и дикой Вселенной...

У разбросанных милых волос,
Я проснулся у губ твоих алых.
В темном небе — фонарики звезд,
И одна из них рядом упала.

Нежно глажу я руку твою,
И прерывистым стало дыхание...
С неба падают звезды в раю,
Исполняя любые желания.

* * *

Кленовый лист ладошкой махнет
На все мои печали и невзгоды...
Я сам себя ишу который год,
И на душе нет благостной погоды.
Кленовый лист, а ты чем виноват,
Что до земли так коротка дорога?
Я пережил тебя в десятки крат...
Не оттого ли жизнь и судит строго?..
Я, как и ты, от ветра трепещу.
Тебя сорвет осеннее ненастье,
А я чем лучше, что еще ишу
Утерянное маленькое счастье?..

Артем БАБИЧЕВ

ПЕЙЗАЖ

Ночные крики кошек.
Визги бродячих собак.
Чёрные проёмы сожжённых окошек,
Уставших от хозяйских драк.
Да промышленный туман.
Из подвала лезут комары.
Всех обволакивает дурман,
Который курят пацаны.
Украл что-то у жены алкаш
И идёт сдавать, надеясь на поллитра.
Я бы мог продолжить этот пейзаж,
Да кончилась терпения палитра.

17.02.2000

Николай БУШЕНЕВ

* * *

То ли мая маета.
То ли я уже не тот.
То ли ты уже не та...

Как тепло, светло, гляди.
Всё сияет и поёт.
Отчего ж темно в груди?

Зелена, юна, хмельна
Вся природа... Только где...
Где твоя-моя весна?..

Птиц звенит любовью хор.
И лягушек... Страсть везде...
Что ж у нас с тобой раздор?

* * *

Как всё это удивительно — ах!
Утром вырвешься в ближайший лесок,
Почка лопается, и на глазах
Появляется зелёный листок.

Как он нежен, умиляюще мал,
Как беспомощен пока что, бескрыл.
И я первый подглядел-увидал,
Как он в мир свои глазёнки открыл!

Постою да побегу по делам —
Сил прибавилось и меньше тревог.
Видел я, как к добрым вешним лучам
Тянет милые ручонки листок.

Алексей ШОРОХОВ

* * *

Д. Ермакову

Без креста, без молитвы, без песен.
Как же ночь-то была тяжела!
Никому уже неинтересен,
Одного он наверно желал:

Как во сне, как в зловещем тумане,
Отстраняя последний свой час,
Он надеялся, будто обманет
Тот для всех одинаковый глас

И шептал: «Хоть немного помедлю
В этом сером болотном краю...» —
Оставляя желанную землю,
Беспощадную землю свою!

И уже пролетая над полем,
Где смешались и снег и вода,
Навсегда расставался он с болью,
Кроме той, что при взгляде сюда.

Виктор ТИХОМИРОВ

СКАЗКА

Километр за километром
Я иду тропой лесной.
Вспугнут снег на ветках ветром —
Ловко кружит надо мной.

На ладони влажной пылью
Он ложится поутру.
Старый лес, здесь рядом с былью
Плещет сказка на ветру.

Я увижу утром рано,
Лишь немного рассветет,
Как царевича Ивана
Чащей темной волк несёт...

г. Тихвин

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Живу на обувь не в обиде.
Хожу — пока — не босиком.
Но я в гробу ботинки видел.
Не очень старые притом.

Кружили в воздухе снежинки,
Когда на кладбище несли
Мои приличные ботинки:
Отцу свои не подошли...

Порой слегка бывает жутко,
Покуда жизнь не рассмешит,
Девятый год моя обувь
В гробу, не стоптана, лежит.

Наступит день, и мне придется
Тех повторить ботинок путь,
Ну, а покуда сердце бьется,
Люблю ботинки помянуть.

Вся жизнь моя одни поминки:
Непоправим здоровью вред.
И часто снятся мне ботинки,
Простыл давно которых след.

Николай РВАНЦОВ

ЧЕЛОВЕК

Ты разум и тупость,
и сила и слабость,
Жестокая жалость
и зло доброты.
Ты щедрость и скупость,
и горе и радость,
И ужас уродства
и верх красоты.
Ты подлость и честность,
и взлет и паденье,
И страх суеверий
и смелость мечты,
Измена и верность,
любовь и презренье,
И чудо рожденья,
и смерть — тоже ты.
Крайностей крайних
соединенье,
Ты и убожество
и божество.
Жизни мгновение —
вечно в твореньях.
Ты и реальность,
и волшебство.
И отрицание,
и утвержденье.
Из ничего в бесконечность бег.
Все твои знания —
только сомнения.
Кто же ты все-таки
человек?

Андрей СМОЛИН

* * *

Еще деревни на холмах
Последний видят сон.
Еще помолится монах
За тех, кто прокажен...

Еще полоскою заря,
И бледен лик луны,
Еще торопятся не зря
Все поезда страны.
Еще не сказаны слова:
— Ну вот. Прости. Пока!
Еще стоустая молва
Не обломала нам бока...

А остальное? Бог ты мой!
Уже все было под луной.

Алексей ДОМНИЧЕВ

ДОРОГИ

Дороги, дороги...
То пыль,
то песчаник...
Лесные дороги...
Асфальт городской...
То спереди знак,
как дорожный начальник,
То сзади — «Объезд»,
«Переход» или «Стой!».
Вот мост через речку,
и снова — дорога,
Мелькают кусты по бокам
и поля.

Дороги, дороги...
Дорога, дорога...
В дорогах, как в сетке,
большая Земля.
Их тысяча? Две?
Или больше? Конечно!
Их семьдесят тысяч?
Нелегкий вопрос.
Дорог всех не счесть
Без ответа жить вечно,
А кто их считал —
сединою зарос.
Дороги, как люди.
Одна исчезает,
Другая приходит
на смену второй.

Их будто волшебник
все время меняет.
Лесные дороги...
Асфальт городской...

г. Устюжна

Любовь СТАРОВОЙТОВА

* * *

Цвет от увядшей сирени
В книге лежит столько лет,
Вырвался, будто из тени,
Воспоминания свет:
Ветки душистой сирени
Ты мне когда-то носил,
Не было больше сомнений,
Знала — меня ты любил.
И ароматом душистым
Щедро нас май напоил,
Воздух был свежим и чистым,
Вечер так сказочно мил.
Веткой цветущей сирени
К нам прикоснулась весна.
Сколько прекрасных мгновений
Сердцу открыла она!

Татьяна МОЛЯКОВА

* * *

Взгляд потемневший, словно золото.
Запали щеки, без надрыва голос.
Застегнуты все пуговицы ворота,
В тугой пучок уложен черный волос.
И словно в зеркале не я стою
С усмешкой, что позавчера сломалась
Бессонной ночью, с болью острою.
Так с легкой юностью душа прощалась.

г. Сокол

Зинаида БОРОУХИНА

* * *

Петербургские белые ночи
С ароматом сирени в садах,
Вас любила Ахматова очень,
Душу вам поверяла в стихах.
И мостов кружевные манжеты,
И волны серебристой разбег...
Здесь творили такие поэты,
Имена их прославили век!
Жаль, что время, тот строгий возница,
Не вернёт птицы-тройки назад.
Белой ночью нам тоже не спится,
Как и вы — мы идём в Летний сад!

Галина ШВЕЦОВА

* * *

Глаза открыла — светлое окно
И тишина распаханного мира.
И ты сидишь, наверное, давно,
И не перо в твоих руках, а лира.

Не подойду, не встану за плечом —
Так тишина рассветная прекрасна,
И миг спокойных мыслей ни о чем,
Когда и на душе, и в сердце ясно.

А ты всего лишь дух переведешь —
И сразу непонятные мурашки
Да солнечного зайчика вспугнешь,
Что задремал на рукаве рубашки...

Света ПАНКОВА

ЖИЛА-БЫЛА КОРОВА

Жила-была корова,
Она была здорова,
Давала молоко.

Но курица кричала:
«Ко-ко-ко-ко.....
Корове не понравилось,
Как курица кричит.
А курице не нравилось
Корова как мычит.

г. Сокол

Николай ПАНКОВ

* * *

Погас закат и солнце село,
На всем лежит ночная тень;
Болит израненное тело,
А завтра новый трудный день.
Летят года, текут столетья,
На свете тысячи дорог-
А мы идем сквозь лихолетья,
Как будто нами движет рок.
Давно уж нет Орды Батыя,
Но чередой-то кровь, то пот.
О, наша бедная Россия!
О, наш измученный народ!

г. Вологда

Галина БРЯНЧИНА

ОДИНОЧЕСТВО

При фатальном одиночестве
Вышла ночь из берегов,
Равнодушная пророчица,
Ни друзей и ни врагов.
И закутанная в шали
Тишины и естества
Бабочкой ночной в тумане
Призрачно дрожит луна.
Как на дне гадальном блюда
Вспыхнули в полночной мгле
Одинокие слезинки
Звездопада в вышине.

На ночном ветру качели
Заскрипели как всегда,
Как натянутые нервы,
Загудели провода.
Опрокинутая в вечность,
Ночь не даст мне снова спать,
Расползлась пятном чернильным
Одиночества печать.

Валентин ШАГИНОВ

* * *

В. С. Белкову

Ноябрь. Преддверие зимы
И завершение листопада.
Предзимью радуемся мы
И осень завершенью рада.

Пора, пора ей на покой,
Под пуховое одеяло.
Ноябрь, хозяйственный такой,
Прилёт передохнуть устало.

Но под листвою в глухом лесу
Не умолкает тихий шорох.
Взгляните, вот я вам несу
Стихов осенних свежий ворох,

Сырые, пёстрые страницы.
А вдруг в «Автограф» пригодится?

г. Череповец

АЛЁНА РОДИНА

ВОЛКИ

Волки — это серый взрыв.
Серый ком мозгов в хребтине.
Волко-стиший клык — прорыв
В городо-рабочей тине.
Там, где брюхо до колен

У заевшегося мира,
Где на иглах — сотни вен,
До стихов — как до сортира.
Где за творчество — грызут,
В душу бьют «воронам белым».
В городе, где псы живут,
Трудно делать волчье дело.

г. Череповец

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

* * *

Солнце ласково греет,
Навевает покой.
Жавороночек реет
Высоко над землёй.

На духмяные травы
Льются трели с небес.
Исполняет их славно
Виртуозный певец.

Сердце тонет в руладах
неземной красоты...
Ну, чего ещё надо,
Если рядом есть ты!

Анатолий ШАМГИН

НАРАСХВАТ

Меня признают после смерти
и памятник поставят мне.
В роскошной раме, уж поверьте,
портрет мой будет на стене.
Юрий Леднев «Предвидение»

Зайду к поэтам после смерти,
Приму обычный, бравый вид,
Скажу: — Ребята! Уж поверьте,
Над каждым памятник стоит!
Хотя, конечно, извините:
Гранит — не бронза... Виноват!
Но бронза нынче в дефиците:
В России бронза нарасхват!

М 22.06
2003

Худ. А. Мисина

В мире Рубцова

Худ. В. Леоненко

Г. ЛЁФФЕЛЬ

ДОКЛАД 21 МАЯ 2005

Окончание. Начало в №40

...Но сегодня в Германии больше не существует того сплава лирики и музыки. К сожалению, на смену этому пришли зачастую низкопробные шлягеры.

Рубцов является нашим современником, мы почти ровесники. Слушая его стихи, песни на его стихи понимаешь, что русская и немецкая литература имеет много общего, но они все-таки и сильно различаются. И главное различие состоит в том, что современная русская литература намного больше опирается на традиции, питается ими, не только в лирике, но и в прозе. И именно поэтому рифма и звук (тон) поэзии имеют определяющую роль.

Различия

Для немецкого переводчика наибольшую трудность представляют русские рифмы, т. к. немецкое ухо не привыкло к так называемым неточным рифмам. Что представляют собой эти неточные рифмы показывает, например, стихотворение Рубцова «В минуты музыки», где поэт употребляет эти рифмы как нечто естественное.

Сегодня в немецкой поэзии неточные рифмы звучат несколько наивно. Они широко использовались в народной песне. Но сегодня это почти полностью предано забвению.

Очень интересно проследить как и когда такие рифмы развились в русской литературе. Их для русской поэзии открыл Алексей Толстой (1817–1875). И это прежде всего благодаря его пристрастию к немецкому поэту Генриху Гейне.

Гейне в Германии был инициатором введения в поэзию неточных рифм, что для сегодняшних авторов является совершенно неизвестным.

Я думаю, что именно Гейне является собственно отцом современного немецкого стихосложения, хотя литературоведение в этом качестве чаще всего рассматривает философа и поэта Фридриха Ницше и других. Гейне постоянно экспериментировал с рифмой — с одной стороны с наивной рифмой народной песни, а с

другой стороны с вычурными, сложными формами рифмы. Это он называл иронически «фокус, трюк». Следует признать, что эти варианты неточных рифм не нашли в Германии своего продолжения. Высокоинтеллектуальные рифмы мы находим у современного немецкого поэта П. Рюмкорфа (P. Ruhmkorf).

Вторым большим различием над которым приходится поломать голову, является тот факт, что в русском языке возможно вставлять в строфу добавочные слоги. В немецком языке дактиль таков: _ _ UU.

У Рубцова же в строфах постоянно появляются слова, имеющие безударные слоги: _ _ UUU. Например, в первых строках его стихотворения «Январское». Такой добавочный (излишний) слог звучит по-немецки неровно, нескладно, поэтому немецкий слушатель пытается установить какую-то регулярность (правильность) рифмы.

Чередование слогов _ _ UUU интерпретируется им как _ _ U _ U; Но это приводит к совершенно иному ритму. Поэтому в таких стихотворениях Рубцова невозможно следовать его ритму, необходимо найти адекватную форму. Это я и старался осуществить в моей книге переводов «Приходи, Земля».

Главный вывод: невозможно перевести Рубцова на немецкий язык один к одному. И если прямо следовать оригиналу, тогда теряется волшебство его поэзии. Чтобы сохранить очарование поэзии Рубцова, необходимо создавать текст заново — параллельно Рубцову! Или иначе говоря: необходимо что-то удалить из его текста, чтобы к нему приблизиться!

В заключении хочу сказать о следующем. Меня часто спрашивают о любимом стихотворении Рубцова. Это трудный вопрос. Но я могу сказать, что большое впечатление на меня произвело стихотворение «Да, я умру!». Суровый и жесткий тон стихотворения сочетается с его плавной, свободной формой. Страх перед умиранием (смертью) исчезает. Это чувство достигается с помощью особых поэтических приемов поэзии Рубцова, которые и составляют ее очарование.

Ольга ФОКИНА

РУБЦОВ

— *Теперь спрошу о том, кого вы должны были очень хорошо знать. Николай Рубцов: с ним какие у вас отношения были?*

— Коля поступил в Литинститут, когда я его уже закончила. Но я узнала о Рубцове раньше. Сначала стихи — в общежитии по рукам ходили четыре отпечатанных экземпляра. Я прочитала его подборку и сразу оценила: это — поэт! Причем знала, что он, как и я — архангельско-вологодский. А потом познакомились лично при довольно странных обстоятельствах. Однажды захожу на кухню общежитскую чайник поставить (я и после окончания Литинститута часто в этом общежитии останавливалась, когда в Москву приезжала). Вижу — на кухне валяется мужское пальто демисезонное. Я его подняла с пола, чтобы определить хозяина, засунула руку в карман — и вытаскиваю оттуда бланк денежного перевода из Архангельской области на имя... Ольги Фокиной. А столик под почту у нас внизу был, на первом этаже. Потом выяснилось: это Николай Рубцов, зная о том, что я — архангельская, землячка в какой-то степени, увидел перевод и взял, чтобы

занести мне. Но не донес — подрался с кем-то. Слышу, в соседней комнате громкий мужской разговор. Постучалась, спросила: не тут ли хозяин пальто? Вот так и познакомились.

— *Правда, что Рубцов обладал очень тяжелым, неуживчивым характером?*

— Я не общалась с ним тесно, чтобы делать такие выводы. Хотя Коля регулярно заходил к нам в Вологде. Точнее, к моему мужу Саше Чурбанову, с которым они были знакомы еще с Литинститута. Ну и собутыльничали, конечно. А я к этим посиделкам очень отрицательно относилась.

— *Гоняли?*

— Гонять не гоняла, Коля себя мирно очень вел. И обычно они старались на стороне выпивать. Но я знала, что это — плохо. А особенно не вникала: что и как у него. А уж какой он там в быту был?.. Пришлось однажды с ним в Архангельск ехать на выступление. У нас купе непьющее было, так что Коля гостил всю дорогу в соседнем, где были Романов, Коротаев... Рубцов всю ночь ходил туда-сюда. Вернулся уже под утро и ни с того, ни с сего набросился с руганью на мирно спящего Толю Петухова (это еще один вологодский писатель). Ругал его всякими словами, нехорошими в том числе. Выступать ему тогда не разрешили, вроде, поругался по приезду в Архангельск с кем-то из ЦК, я точно не знаю. Я узнала и подумала: не выступает Рубцов — я тоже не буду. Терпеть я не могу все выступления эти, для меня это — погибель... Он потом обратно с нами не поехал, загулял. Мне Коля как брат был. Я его воспитывать пыталась, говорила: устройся на работу, выпусти стихи на волю. Но он очень обижался на это. Как и мой супруг: Гордые были, считали, что литература должна их кормить.

— *Можно ли однозначно сказать, что Рубцова сгубила пьянка?*

— Да, так оно и было. Видите, флот Северный, потом Литинститут, где тоже мимо рта не пронесли, а потом эта бездомная жизнь. Он еще в компании стремился, потому что там накормят и приютят. Ему нужна была женщина, причем женщина-мать скорее, поскольку он — сирота. Была такая женщина, которая к нему с материнской заботой относилась. Но ведь сердцу не прикажешь! Полюбил другую, Людмилу...

«КС»

* * *

Дядя Коля, дядя Коля,
Где твоя гармошка?
Коростель тоскует в поле,
Света нет в окошках.
Ты уехал, говорят,
В дальние столицы.

Не дописаны лежат
На столе страницы.
Тихой родине твоей
Не найти ответа.
И не будит соловей
Поутру поэта...

Сергей Шведов, приемный сын сестры поэта Г. М. Рубцовой-Шведовой

АВТОГРАФЫ

Н. Рубцов. Стихи.

641

99

- 2 Стихи тов. Н. Рубцова сделаны добротой, почти профессионально. Приятно отметить, что автор упорно ищет свою дорогу. Правда, далеко не всегда ему сопутствуют удача, но чувствуется, что автор на верном пути в поисках своего поэтического "я".
- 2 Думаю, что углуб в литературную помощь тов. Рубцову еще более уверенно в своих намерениях.
- 2 Рекомендую принять.

Ситомб, 62г.

Н. Антозерд

Вологодский музей-заповедник

Ты прощай нас,
Речка, церковь, поле, родина цветная —
Момент был, за все свое бывшее
Мы запомним последний наш пометер...
Ах, любовь! под военными ивами
Тоскотрем мой любимый куст
И онею живем, торжественно,
И цунами враги собачьим слоб...

Вариант
публикуется впервые

ВЫДАТЬ

Руб. _____

_____ 196 г.

Секретарь
Вологодского обкома ВЛКСМ

[Подпись]

Вологодский обком ВЛКСМ

25. мар 1960 г.
Рубцов Николай Михайл.
фамилия, имя, отчество (полностью)

ЗАЯВЛЕНИЕ 1459

Прошу выдать аванс по командировке в В - Уейног

согласно команд. удостоверению от 25 мар

за № 330, сроком на 10 дней, с 26 по 5 июня

Место работы и должность: Связь с общественностью

Домашний адрес: ул. Ишукта, 3, кв. 66

Руб. 50 (пятьдесят)

Подпись *[Подпись]*

В КАССУ

Расход кассы № _____

Выдать Руб. _____ коп. _____ 196 г.

Зая. финхозсектором

Рублей *пятьдесят*

получил *[Подпись]*
подпись

Выдал кассир

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3. 7188

ЭТОТ МИР ЛЕТИТ КУДА-ТО В ПРОПАСТЬ...

Такой строчкой **ЯРОСЛАВА ЛИТВИНЕНКО** из его первой книжки «Стихотворения» начнем разговор о молодом поэте. Дебютная книга Ярослава Литвиненко вышла в свет в издательстве журнала «Юность».

Первая книга поэта как бы окольцована стихотворениями, которые мы помещаем на этой странице. Одно из них служит как бы прологом, другое — эпилогом книжки. Судя по содержанию книги, это продуманное и не случайное решение автора. Известный русский литературный критик Инна Ростовцева пишет в «Послесловии»:

«Читаешь его первую книгу — и видишь: стихотворение, ее открывающее, о Вологде («Все повторяется. Я снова...») может сбить читателя с толку и дать неверное представление о нем как о поэте.

Нет, это не длящееся десятилетиями эхо тихой лирики, ярко вспыхнувшей в 60-е годы прошлого века, когда стихи были кровно связаны с местом, где они произрастали, с биографией авторов, неотделимой от этих мест и определившей в свою очередь их местонахождение на литературной карте отечественной поэзии. Вологда, Воронеж, Павловский Посад... За ними — имена: Рубцов, Прасолов, Жигулин, Казанцев — лириков и лирики, земной и реалистичной в своей основе, где природа и родина сливались в одном нерасторжимом чувстве любви и нежности: «Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи...». У Ярослава Литвиненко «Вологда» — это мечта, это — символ сна, который повторяется, но никогда не сбывается: «Как будто там — исток, основа, / Как будто жил в ней много лет...». В этом «как будто» — вся горечь несбывшегося, знак дружбы биографии и другого времени: конечно, можно купить билет до Вологды — и как бы все повторить, что уже было, но мы-то вместе с поэтом — понимаем, что ничто не повторяется и не повторяется: «И этот сон уже мне не продлить», ибо «Как этот мир летит куда-то в пропасть, Лечу я сам, сорвавшись в никуда» («Стихи в ноябре»).

Инна Ростовцева нашла великолепную формулу, которой «окольцевала» и свое напутствие дебютанту:

«В пространстве литературы появилось новое имя: Ярослав Литвиненко». Правда, в конце статьи она слово «литература» заменила словом «поэзия», а слово «появилось» словом «образовалось».

Эти замены представляются очень важными и принципиальными в контексте статьи и в контексте размышлений критика.

Думаем, что и два стихотворения Ярослава Литвиненко, впервые появляющиеся в журнале «Автограф», дадут читателям представление о новом голосе в русской поэзии, таком гармоничном, музыкальном и романтическом по своей сути.

Виталий БАКУМЕНКО

Ярослав ЛИТВИНЕНКО

* * *

Все повторяется. Я снова
Куплю до Вологды билет.
Как будто там — исток, основа,
Как будто жил в ней много лет
И по крутой Соборной горке,
Что за мостом, недалеко,
На лыжах, санках, на картонке
Скользил к заснеженной реке;
Ходил в кино, учился в школе...
Чтоб вдруг уехать поскорей,
По глупости, по злости, что ли,
Из милой Вологды моей.

СЕВЕРНОЕ

Опять мне приснится, приснится
Заветный мой сон золотой:
Хорошие добрые лица
И Вологда с тихой рекой.
Приснятся ромашки и клевер,
Такие простые цветы,
Как будто совсем и не север,
Как будто и нету мечты.

Вячеслав БЕЛКОВ

ЭПИГРАММЫ, ЭКСПРОМТЫ

Как! Не знаете разве?
Я же Слава Белков —
Генеральный директор
кучевых облаков!

1972

Сегодня я скажу вам точно:
В стране хреновая погода,
Но наше дело будет прочно,
Когда под ним струится водка!

1991

Планета
«Николай Рубцов»
Взошла в ночи
В конце концов!

1991

А родина, она не виновата
В том, что стоим, опять разделены:
Вы — поколение новое Арбата,
Мы — поколение новое страны.

1996

«Не верь, не бойся, не проси»
Не приживется на Руси.
Пословица от гордецов,
А не от дедов и отцов!

1997

Рубцов был дежурным
По русскому слову!
А я вот дежурю
Теперь по Рубцову.

2005

Короткая проза

Павел ШАБАНОВ

ВОЛОГДА ТАИНСТВЕННАЯ

(из книги)

...Году эдак в семьдесят девятом Василий Александрович Оботуров, литературный критик и, надеюсь, мой добрый друг, задумчиво глядя на меня, изрёк: — Ни фига ты, Паша, не вологодский....

Прозвучало это не осуждающе, а скорее сожалеюще. Вострый на язык по молодости лет я быстренько ответил: — Да, я не вологодский, я русский. Достигший возраста мудрости Василий Александрович промолчал...

Прошло четверть века, и я с удовлетворением могу сказать — оставшись русским, я стал вологодским, тем более что это было несложно — корни-то у меня вологодские. Вон там, на востоке области, в нескольких километрах от истока реки Юг, (а на карте эта разница в три километра и вовсе теряется) в починке Малое Еловино родилась моя мама, Патракова Елизавета Фёдоровна. По месту её рождения я могу с уверенностью сказать, что в моих жилах течёт кровь двух волн колонизации Русского Севера — новгородской и московской, и толика угро-финской крови — ещё в двадцатые годы прошлого века в окрестных деревнях жили коми-зыряне.

Я полюбил этот город, эту землю, и наших людей, внешне неторопливых, но со скрытым взрывным темпераментом, перед которым пасуют внешне экспансивные жители Кавказа.

И я стал таким патриотом, что когда кто-то начинает говорить, что и климат здесь нехорош, и характер у местных жителей неважный, я моментально закипаю — Ну, и чего вы сюда припёрлись, в страну вечнозелёных помидоров, зачем вы оставили своих душевных и чутких земляков? Отчего покинули свои заоблачные пастбища и приморские виноградники?

* * *

Тому, что я так хорошо узнал город, немало способствовала моя работа — свою трудовую деятельность в Вологде я начал выездным механиком по ремонту холодильников. Утром мне выдавали наряд-задание, и я отправлялся по адресу. Город, люди и их дома были открыты для меня. Я довольно быстро изучил город, показавшийся вовсе небольшим после Волгограда и Тбилиси, и моментально ориентировался — достаточно было назвать номер дома и квартиру, и я уже мог сказать, в каком подъезде, и на каком этаже она находится. Не были для меня загадкой ни улица Крюк, ни Кривой переулок, ни Кольцевой, и по сей час я помню, что частный дом по Панкратова 34 он же — и 34 дом по улице Республиканской.

Надо заметить, что заработок мой по сравнению с моими коллегами был значительно меньше — я передвигался по городу пешком и на автобусе, а они на машине, и поэтому уже при распределении мне доставались менее денежные вы-

зовы, но я не жалел об этом тогда, и тем более, не жалею сейчас, потому что в результате моих неторопливых прогулок по Вологде с чемоданчиком в руке и родилась идея этой книги — «Вологда таинственная».

Вологда — удивительный город. В ней тесно переплелись загадки прошлого и нынешние тайны, секреты спецслужб и необъяснимые явления природы. В ней происходит то, что не должно происходить по теории вероятности — в течение одного часа на нашем городском рынке я встретил двух телохранителей одного Ближневосточного лидера — Мохаммеда, этнического араба, мусульманина, (мы с ним одновременно работали в банке «Традиция») и Алексея, этнического еврея, но православного, (в далёком 75 году я травил его собаками на полигоне в Жёлтых Водах.)

И для пушного эффекта — в это же время, там же я встретил первого космонавта. Нет, никакой мистики, и никакого покушения на вполне заслуженную славу Юрия Гагарина — генерал-майор авиации, Герой Советского Союза Владимир Сергеевич Ильюшин первым поднялся на высоту свыше ста километров, то есть в Космос, а Юрий Гагарин первым совершил полёт вокруг Земного шара.

Быть первым — это профессиональная обязанность летчика — испытателя, и Владимир Ильюшин её достойно исполнял. Он поднимался в небо на летательных аппаратах разных типов 6420 раз, летал на самолётах и вертолётах 145 типов и модификаций, испытывал самолёты Су-9, -11, -15, -17, -24, -25, -27, установил три мировых рекорда и при этом строго хранил военную и государственную тайны — никогда и нигде не говорил он о своём полёте в Космос.

Вот таких тайн и загадок и набралось на целую книгу.

«ТЕНЬ ЛИЧНОСТИ»

Прежде чем рассказывать эту историю, оговорюсь, что поклонником, как самого товарища Сталина, так и его полководческих талантов я вовсе не являюсь. Да и то сказать — поддела быть полководцем, имея в своём распоряжении только сапёрных армий — ДЕСЯТЬ! Прикажи — и в один день проруют траншею от Белого моря до Чёрного. Да ещё 70 общевойсковых армий, да пятак танковых, да семь воздушных... ШЕСТЬСОТ дивизий! Тут уж и полный дебил с неисправимыми дефектами речи и нарушенной координацией движений может выиграть войну, просто по теории вероятности, только потому, что у противника солдаты раньше кончатся...

И не за что мне любить лучшего друга советской молодёжи, лётчиков и физкультурников — раскулаченный прадед, заработавший на финской войне туберкулёз дед, рано осиротевшая мать — из детдома в «трудовые резервы», сельхозучилище «с выполнением производственных норм», то есть рабство под видом бесплатного обучения...

Но! Всё-таки следует признать — был культ, но ведь была и личность.

Совсем недавно довелось узнать — оказывается, племянник Гитлера, лейтенант сапёрных войск Лео Раубаль попал в советский плен под Сталинградом, и Гитлер хотел обменять его на Якова Джугашвили, сына Сталина, бывшего в то время в плену немецком. Сталин не согласился.

Яков Джугашвили при неизвестных обстоятельствах погиб в концлагере, а племянник Гитлера, сын его сестры, ведущей домашнее хозяйство фюрера с 1936

по 1945 год, благополучно пережил советский плен и узнал о несостоявшемся обмене только в 1967 году...

А чтобы подобная неприятность не случилась с другим сыном Сталина, его оберегали весьма оригинальным способом — лётчик-истребитель Василий Сталин летал в бой без парашюта, чтобы если что — так и всё!

Так что вовсе не удивительно, что такая неординарная личность оставила свой след в памяти вологжан, и не только в памяти...

В вологодской ссылке товарищ Сталин поселился в доме отставного жандарма Корпусова. Хозяин дома, ясное дело, не был такой заметной фигурой, как великий вождь и учитель, потому известно о нём мало; я даже подозреваю, что и фамилия его потерялась за долгие годы — дело в том, что в те годы существовал жандармский корпус, и мне кажется, что предлагаемая нам ныне фамилия есть ничто иное, как трансформированная часть его звания — ротмистр, (предположим) Корпуса жандармов Имрек. Сомневаетесь? Ну, если вам кажется более вероятным существование ротмистра Корпуса жандармов Корпусова... Пусть будет по-вашему, тем более что это не принципиально.

При желании можно было бы и узнать фамилию, если он был офицером — список жандармских офицеров ежегодно печатался в специальных справочниках, которые можно было свободно получить в библиотеках и архивах в России и за границей. И сейчас можно найти такой справочник, но Бог с ним, с этим жандармом, тем более что он мог быть и нижним чином.

Нас интересует личность Иосифа Виссарионовича в период 1911-1912 годов.

Дабы избежать невольного предубеждения, следует оговориться — Сосо Джугашвили в 1911 году и Иосиф Сталин 30-40-х годов это, строго говоря, разные люди. Нужно было прожить ссылку в Курейке, пережить заблуждение туберкулёзом, что по тем временам было смертным приговором, только отсроченным, и пережить чудесное избавление от этого смертельного диагноза, пройти ленинскую школу жестокости, эпоху предательств, внутрипартийных разборок, интриг и подковёрной борьбы, коллективизацию и индустриализацию, глубоко потрясшую его смерть жены Нади, в которой обвиняли его же, и о чём он неизбежно знал из донесений спецслужб, чтобы в результате получился Иосиф Виссарионович Сталин, мнительный, жестокий и недоверчивый.

И надо признать, что оснований для недоверчивости у него было предостаточно — чего стоят только масса странностей и совпадений, связанных с его смертью. Удивительно, что никому в голову не пришло обратить внимание на такое совпадение — в 1952 году Ален Даллес, заместитель директора ЦРУ, предложил план физического устранения Сталина, но ему запретили проведение этой операции, а в 1953 году Даллес сам стал директором Центрального Разведывательного Управления, и последовала загадочная смерть Сталина...

Но вернёмся в Вологду.

Замечу, что домов, в которых Сталин жил в Вологде, несколько; я лично знаю, помимо ныне широко известного дома №35 по улице М. Ульянова, ещё два — одно время он жил в доме Бобровой по Малой Козленской улице, (ныне Первомайская), а во время побега из ссылки в 1911 году он жил (точнее — скрывался) на квартире ссыльного эсера, графа А. И. Дорера, родственника В.Ф. Джунковского, в то время московского губернатора, позднее командира Отдельного корпуса жандармов, товарища (заместителя) министра МВД. Тогда, кстати, и губернаторы проходили службу по Министерству Внутренних Дел.

Эсер Дорер был далеко не единственным родственником Джунковского в революции.

Его родной брат, Н. Ф. Джунковский, лейб-гвардии улан, а позднее — чиновник Министерства финансов, много лет поддерживал тесные связи с революционным подпольем — сестра его жены — жена эсера князя Хилкова. Вдова бывшего улана благополучно жила в Советском Союзе и умерла в 1928 году; на её смерть откликнулась некрологом партийная газета «Заря Востока».

Когда после Октябрьского переворота рядовых полицейских и жандармов расстреливали пачками, с лёгкостью необыкновенной, бывший начальник тайной полиции, а в войну организатор службы контрразведки департамента полиции, Джунковский Владимир Федорович не только уцелел, но и стал консультантом Дзержинского в создании ВЧК, и расстреляли его только в 36 году (по другим данным — в 37) А может, и не расстреляли...

Ведь считается, что бывшего директора департамента полиции, Степана Петровича Белецкого, расстреляли в 1918 году, но мне известно, что его видели живым по крайней мере в 35 году, на очень хорошо охраняемой даче в Подмоскowie; дело в том, что департамент полиции в царской России не только жуликов и воров ловил, но и вёл заграничную разведку. А это — явки, адреса, каналы связи, агентура, финансы... И понятно, почему его сын, сын товарища (заместителя) министра внутренних дел, директора департамента полиции, сенатора, тайного советника, под чьим руководством был и штаб отдельного корпуса жандармов, так вот, его сын, Владимир Степанович, в 1925 году поступил на Высшие государственные литературные курсы и учился до ликвидации ВГЛК в 1930 году; после чего работал в различных газетах и журналах, был принят в члены Московской ассоциации пролетарских писателей и Литфонда, печатался в коллективных сборниках и журналах «Молодая гвардия» и «Знамя», в переводе на французский язык — в журнале «Интернациональная литература», и заслужил похвальный отзыв парижского журнала «Коммюн»...

И это в те строгие времена, когда детям рядовых полицейских жилось весьма сложно! Но в 1936 году произошло Нечто и «В 1936 году я должен был уехать в Вологду».

В это время и по меньшим основаниям ставили к стенке, а тут такая «суровая» ссылка и работа в газете и Вологодском областном краеведческом музее... Такое ощущение, что ничего не забывавший Сталин просто убрал в тень сына нужного человека...

Публиковался и жил он, правда, под псевдонимом, ставшим фамилией — Железняк.

* * *

Но вернёмся к дому на Золотухинской набережной, позднее — улице Жданова, а теперь Марии Ульяновой.

С тридцатых годов и до времени разоблачения Культа это было прямо-таки место паломничества всяческих официальных делегаций, пионерских отрядов и советского студенчества. Оставить запись в книге почётных посетителей дома-музея Сталина было действительно почётно, и благоговейно-восторженные записи неукоснительно делались.

Любовно восстанавливались подробности вологодского житья-бытья товарища Сталина, разыскивались свидетельства очевидцев и подлинные вещи. На изучении периода вологодской ссылки любимого вождя и учителя можно было сделать головокружительную научную карьеру, но можно было и запросто шею свернуть...

Чего стоит только история с вологодской дочерью Сталина!

Сразу оговорюсь — в достоверность этой истории я верю безусловно, поскольку проверялась она весьма эффективными методиками, и проводилось множество психологических тестов, подтвердивших достоверность рассказанного, но, связанный обязательствами сохранения тайны ныне живущих людей, изложу её пунктирно, опустив ряд имён и фактов. Её мне рассказывала сама ныне покойная дочь Сталина.

В 1912 году у вологодской мещанки Н. родилась дочь, как следствие бурного романа ссыльного кавказца и восторженно-романтической провинциальной девицы. Грех был покрыт скороспелым браком с вологодским мастеровым (а по документам, в духе того времени, он числился крестьянином). Тайну рождения рыжеватой девочки с улицы Зосимовской до 38 года хранили безукоризненно, но тут над ней нависла нешуточная угроза ареста, и отчаявшаяся мать решила напомнить о себе бывшему возлюбленному.

Возможно, она что-то знала о подобном обращении к Сталину Марии Кузакowej — Соль-Вычегодская пассия вождя привезла семнадцатилетнего Константина в Москву и попросила у Сталина помощи. Сталин через подчинённых оказывал сыну содействие, продвигал на высокооплачиваемые посты, а в 1947 году даже спас от ареста, заявив: «Для ареста Кузакова не вижу оснований».

После смерти Сталина Константин Кузаков работал в Московском телевизионном центре, и немало было испуганных сотрудников и посетителей, вдруг увидевших «двойника Сталина, смотрешего на них вызывающим и непроницаемым взглядом своих жёлтых глаз...»

В 1995 году 85 летний Константин Кузаков впервые лично рассказал свою историю журналистам и разрешил публикацию фотографии 1935 года, где он снят со своей матерью и трёхлетним сыном.

Но письмо товарищу Сталину из Вологды перехватили вологодские чекисты, и наступила чисто техническая пауза — немногие посвящённые в тайну чекисты попросту не знали — что делать дальше? Несложно было стереть в порошок, в лагерную пыль и ещё мельче и новоявленную дочь Сталина, и её мать, несомненную самозванку, покусившуюся на самое святое, что есть у советского народа — светлый образ вождя... Ну, а если это — правда, и если эта история дойдёт-таки до товарища Сталина? Кто гарантирует, что ВСЕ письма перехвачены? Поди, угадай его реакцию...

Но и бездействовать было нельзя!

Раздалось несколько глухих выстрелов в подвале здания областного УНКВД, весьма кстати произошло несколько несчастных случаев, (в том числе — и с особо дотошным исследователем вологодского периода жизни вождя), документальные свидетельства основательно почистили, и немногим оставшимся в живых было велено накрепко забыть эту историю.

В 1948 году секретарь Вологодского обкома ВКП(б) Дербинов за каким-то лядом велел чекистам найти упоминаемую в донесениях шпиков подругу Сталина «Нарядную», и её идентифицировали как Ануфриеву (Онуфриеву) Пелагею Геор-

гневну. У неё изъяли книгу П. Когана «Очерки по истории западноевропейских литератур» Т. I, М. 1909. с пометами Сталина и дарственной надписью: «Умной скверной Поле от чудака Иосифа» и две открытки с репродукциями Родена и игривыми посланиями Сталина.

Спрашивается — зачем Дербинов искал эту «Нарядную»? Всё равно ведь он не рискнул сообщить в Кремль о ней, и приказал засекретить сведения о романе Джугашвили и Ануфриевой — Муж Ануфриевой в это время сидел, уже во второй раз, с обычными по тем временам сроком и статьёй — « червонец » по 58 .

Но каким-то образом в сталинском фонде РЦХИДНИ оказались воспоминания Полины (Пелагеи) Ануфриевой (Фоминой), составленные ею летом 1944 года. По некоторым данным, написать эти воспоминания её попросили сотрудники Вологодского дома-музея Сталина и некая сотрудница Института Маркса — Энгельса — Ленина.

И именно в 1944 году чекисты приходили и к N., забрали несколько книг и фотографию вождя с дарственной надписью и ещё раз напомнили — Молчи!

И посейчас хранится эта тайна — дочь, внуки и правнуки за отца и деда, конечно, не отвечают, но идиотов, способных основательно испортить жизнь наследникам жутковатой славы Вождя — немерено. Хочется надеяться, что к числу этих идиотов я сам не отношусь...

Почему же я всё-таки рассказываю эту историю?

Я сумел убедить внуков, что дозированная утечка информации необходима в профилактических целях — постепенно приучить людей к мысли, что где-то в Вологде живут потомки Сталина. Когда этот факт войдёт в сознание людей на уровне «что-то слышал такое...», тогда не страшен будет случайный, неконтролируемый выброс информации. Старая истина — опасную информацию сбрось, и она перестанет быть опасной.

Никто ведь не падает со стула, узнав, что в Вологде живут потомки Барклая де-Толли?

Замечу — законные потомки военного министра, командующего Первой Западной армией в войне 1812 года.

Ну, а что до незаконно рожденных...

Мой читатель! Вряд ли мне, а так же и вам удастся доказать, что в наших жилах не течёт кровь Романовых. Дело в том, что царь Пётр, мореплаватель и плотник, оставил после себя около 200 (двухсот) незаконнорожденных детей мужского пола, о судьбе которых нимало не заботился, а младенцев женского же полу никто и не считал. Так вот, если прикинуть, как они расплодился за три века, то получается, что ни мне, ни вам не удастся отвертеться от сомнительной чести быть потомком Петра I, разве что вы родились на островах Самоа или Фиджи, или только что вышли за солью из затерявшегося в XVI веке староверческого скита...

Именно поэтому в генеалогии учитывается родство только по мужской линии и только законнорожденные, а если посчитать по-другому, то не пройдем и сорока поколений в прошлое, как окажемся родственниками ВСЕХ людей на Земле.

Так что лично я к этому отношусь насквозь философски: Потомки Сталина в Вологде? Ну и что?

Точно так же недалеко от Кич-Городка и в Вологде проживают потомки Сталина по другой линии — Серафима Владимировна Хорошенина в двадцатых числах февраля 1912 года в Сольвычегодске имела бурный, но весьма непродолжительный роман со ссыльным Джугашвили, и вскоре была сослана в Никольск, где и

родила младенца мужского пола, отданного «в дети» в бездетную крестьянскую семью, в деревню, тогда входившую в Никольский уезд.

Достаточно взглянуть на фотографию лейтенанта Александра Давыдова, сына Лидии Перепрыгиной из Курейки, где Иосиф Джугашвили отбывал ссылку, и сравнить с фотографией Кобы примерно этого времени, чтобы понять, что даже легкая бородка и усы не в силах заглушить несомненное сходство.

... Амурными делами вождя я заинтересовался не из желания покопаться в грязном белье, а в попытке понять секрет его политического успеха и долголетия. Ведь было нечто, кроме репрессивного аппарата, что позволило ему держаться на вершине неустойчивой пирамиды столько лет? В конце концов, КГБ было и у Хрущева, и много оно ему помогло, когда соратники решили его схарчить?

Надо признать, что сухорукий, прихрамывающий, с лицом, меченым оспой, не очень ухоженный и вечно безденежный Сосо Джугашвили обладал какой-то особой притягательной силой и очень нравился женщинам. Вячеслав Молотов писал: «Когда мы познакомились, жили в одной квартире. Потом он отбил у меня девушку. Вот Маруся к нему ушла...»

Вообще Сталин красивый был. Женщины должны были увлекаться им. Он имел успех».

Было, было нечто в Джугашвили, магически действовавшее на людей... Ведь не на голом месте родился пресловутый Культ. И первыми, как бабочки на огонь, бросались женщины.

Так что нет ничего удивительного, что потомки Великого Вождя есть и в Сибири, и на Камчатке, и в Сольвычегодске, в Череповце, в США, Великобритании, на Кипре ...

В общем, дело обычное и нередкое, и Вологда здесь не выделяется из общего ряда, но есть и такое явление, в котором Вологда, похоже, уникальна — привидение Сталина.

Исторические хроники свидетельствуют — людям во все времена являлись призраки высших руководителей государства, и Россия не была исключением.

Так, Московский Кремль давно облюбовало привидение Ивана Грозного. В отблесках кроваво — красного пламени он являлся в 1894 году, когда не стало Александра III, а Николай II только готовился вступить на трон. Он появился в Кремле и перед бракосочетанием цесаревича и немецкой принцессы Алисы, будущей императрицы Александры Фёдоровны.

А когда Николай и Алиса перед свадьбой провели три месяца в одном из дворцов английских королей. (Алиса была внучкой королевы), многие дворцовые покои стали вдруг беспокойными — двигалась сама собой мебель, слышны были странные шумы, скрипы, удары, звон посуды, тяжёлое дыхание и зловещие шаги в тишине, виделись пугающие призрачные тени...

Позже, уже став императрицей, Александра Фёдоровна в письмах родственникам постоянно писала о призраках, посещавших дворцовые покои — в Зимнем дворце ночами видели Петра I, а в Петергофе — Екатерину II.

Поэт Владимир Цыбин в своей книге «Вести с того света» приводит многочисленные свидетельства встреч с призраком Ленина уже в наше время, в конце XX века, на улицах Москвы и Санкт-Петербурга.

Видели и Берюю — «чаще всего он крался вдоль домов, надвинув шляпу на глаза. Прохожие шарахались и боялись догонять его».

И Владимир Цыбин особо отмечает: «Не видели только Сталина. Я, по крайней мере, о таких случаях не слышал...». Не видели в Москве и Питере, а вот в Вологде видели, и не раз.

...Когда Сталина выкинули из Мавзолея (непонятно — чем один душегуб отличается от другого) и велено было выкинуть его из памяти народной, функции символа вологодской ссылки перешли к дому купца Самарина, в котором отбывала вологодскую ссылку сестра Ленина.

Убрали и памятник любимому вождю и учителю, стоявший неподалёку.

И именно к этому времени относятся первые свидетельства о ЯВЛЕНИИ товарища Сталина народу, он же Сосо, он же Коба, он же Чижигов, он же Иванов и т. д.

В публикациях скороспелых разоблачителей образца Перестройки, ссылка Сталина в Вологде выглядела как развесёлое времяпрепровождение — общался он больше с ворами, и время проводил в кабаках.

Думается, грузин Джугашвили не избегал стаканчика — другого вина, но избирать вологодскую ссылку как одну сплошную гулянку такая же крайность, как утверждать, что вождь не ел, не пил, только всё о тяжёлой доле народа думал.

Вологда, занимает особое место в биографии вождя — именно здесь боевик Коба, организатор классического ограбления в Тифлисе, вошедшего во все учебники криминологии мира, превратился в партийного функционера — члена ЦК Сталина, кооптированного Лениным заочно. По предложению Ленина формируется русское бюро ЦК во главе со Сталиным.

И это произошло не само собой — Иосиф Джугашвили вёл переписку, выдвигал условия и требования, делал предложения.

За четыре неполных месяца, что он провёл в Вологде, библиотеку он посещал семнадцать раз. О чём-то это говорит?

Именно такого Сосо Джугашвили, тридцати с небольшим лет, и стали видеть местные жители поздним вечером, точнее, в то неуловимое время, когда вечер переходит в ночь. В нём не было ничего от киношного привидения — он никого не пугал, завывая, не воздевал драматически руки и очи к небу...

Он просто прохаживался невдалеке от дома, называемого его именем, покуривая трубку, поглядывая на редких прохожих, или сидел на скамейке возле дома, опять же, с трубкой в руке. Иногда на скамейке видели стакан, а рядом на траве стояла большая бутылка зелёного стекла. Не помню, чтобы кто-то рассказывал, что видел его пьющим. Просто рядом стояла бутылка.

За долгие годы его видели множество людей, и мне известны, по крайней мере, два случая, когда милиционеры патрульно-постовой службы пытались проверить документы у молодого кавказца несколько бомжеватого вида. (Думается, такое впечатление он на них произвёл из-за старомодного покроя одежды).

В ответ на законное требование блюстителей порядка предъявить документы, он подходил к скамейке возле дома, садился на неё и исчезал, причём в одном случае он медленно как бы растаял, и ещё несколько минут можно было видеть его силуэт, и можно было разобрать, как он неспешно набивает трубку и закуривает, а во втором случае он просто исчез — вот, только что он был, а вот — пустая скамейка.

И только раскрытая книга осталась лежать на скамейке...

По вполне понятным причинам патрульные милиционеры не спешили докладывать начальству о неудачной попытке проверить документы у неизвестного,

резонно полагая, что в этом случае дотошной проверке подверглись бы они сами, их образ жизни и психическое здоровье. Они предпочли продолжать патрулировать ночные улицы Вологды, храня покой граждан, вместо того, чтобы глотать огромное количество маленьких разноцветных таблеток, после которых хочется немедленно полежать, а только приляжешь — хочется сесть...

Но когда милицейский сержант рассказывал мне эту историю, я, вместо того, чтобы посочувствовать ему, разразился глупым смехом, прямо-таки заржал.

— Ты чего? — недоуменно уставился он на меня.

— Да я просто представил, как ты у него в году эдак в 37 проверил документы, а то и в отделение доставил...

Сержант сначала тоже жизнерадостно рассмеялся, а потом вдруг посерел лицом...

Я ведь знал, что он родился в лагере под Карагандой, куда загнали его беременную мать в 52 году, по всеобъемлющей статье 58-10, так что ТОТ страх у него был в крови...

Я встречал его позднее — старшим лейтенантом, майором, подполковником... Мы здоровались, разговаривали о том — о сём, но к этой теме больше не возвращались...

* * *

Мы с моим другом, поэтом Владиславом Кокориным в молодости частенько бывали неподалёку от этого дома, в мастерской художника Юрия Воронова и тоже как-то ВИДЕЛИ, возвращаясь домой.

Что греха таить — мы свято следовали заветам Василия Аксёнова — «Мы с тобой люди творческие, и вечера должны в застольных беседах проводить». Так что не буду врать, что, дескать, в здравом уме и трезвой памяти... Честно скажу — были мы с Владом в пограничном состоянии — когда вроде бы вполне трезво рассуждаешь на серьёзные темы, и в то же время особо не удивишься, увидев, как по тебе прыгают маленькие зелёные жидо-масончики... Кыш, постылые, ну никакой жизни русскому человеку от вас нет...

Как всегда бывало в таких случаях, сигареты давно кончились, и курить хотелось немилосердно, и увидев на скамейке у дома мужчину, попыхивающего трубочкой, мы двинули к нему, надеясь разжиться табачком и скрутить ужасающих размеров самокрутку.

Для большинства россиян все кавказцы на одно лицо, но я, проживший несколько лет в многонациональном Тбилиси, в большинстве случаев отличаю грузина от армянина и азербайджанца. Я узнавшае присмотрелся к нему и спросил, бавируя тбилисским говором — Боды шен, батона, шен картвели, хар? (извините, господин, вы грузин?)

Не сводя с нас пронзительно жёлтых глаз, он медленно кивнул.

Я про себя отметил — сторож-грузин, охраняющий дом Сталина — это стильно. Влад, отслуживший срочную в том же Тбилиси, вышел вперёд — Кацо, извини, что беспокоим... Закурить не найдётся?

Так же медленно он приглашающее указал рукой на скамью; на ней стоял стакан толстого стекла и тускло блестела большая бутылка.

Мы с Владом переглянулись — как быть? — и за это короткое мгновение мужчины исчез, как и не было. Но приглашение, и недвусмысленное, было, и, не на-

гружая себя вопросом, куда делся мужчина, мы накатили по полстакана очень приличного сухого вина и скрутили из оставленного на скамье табака «козью ногу» почти в натуральную величину. И табак был отменно хорош!

Очень хорошо помню — мы не стали стучать в тёмные окна, кричать, вызывая молчаливого благодетеля, а поставили бутылку для сохранности под лавку и поспешили к остановке, пока 16 автобус не перестал ходить.

Утром я напряжённо пытался вспомнить — где я раньше мог видеть этого грузина, очень уж лицо знакомое, и даже отметил, что он очень похож на Сталина в молодости...

В этот же день, проходя мимо, я даже специально сделал небольшой крюк, надеясь увидеть, и поблагодарить незнакомца, или расспросить Драчёва, чья контора по охране памятников истории располагалась в этом доме, но когда подошёл, то увидел, что скамьи НЕ БЫЛО.

Я не сразу понял, что это означает, и только когда присмотрелся, осознал — не было не только самой скамьи, но даже и следов от неё, а ведь она покоилась на врытых в землю столбах, и уж жели бы некто злонамеренный и выворотил скамью из хулиганских побуждений, то следы бы непременно остались...

И вот только тогда до меня стало доходить — эти байки про Сталина, разгуливающего в вечерний час, вовсе и не байки!

С Кокориным на эту тему я не разговаривал; кому интересно — при случае поспрошайте сами, но не раз мне приходилось слышать, как в компании он рассказывал про молодого Сталина, сидящего на скамейке возле дома с трубочкой, как он поглядывает на прохожих... Рассказывал он таким образом, что, дескать, такую картину легко можно представить, но рассказывал до того проникновенно, что я ни капельки не сомневаюсь — видел он это воочию, и не раз.

Но! В тот вечер, когда мы вдвоём ВИДЕЛИ, мы одновременно реагировали на это нечто, переглядывались, переговаривались ...

И здесь уместно привести слова архиепископа Луки, в миру доктора медицинских наук В. Ф. Войно-Яснецкого: «Если двое нормальных, разумных людей точно описывают одно и то же видение, одновременно восклицают, сообщают друг другу свои впечатления ещё в присутствии фантома, то было бы абсурдно говорить о галлюцинации у обоих, совершенно объективной и идентичной.»

Примерно год спустя мне снова довелось его видеть, и опять же я был не один.

Василий Александрович Оботуров тогда жил у меня, доказывая жене несомненное право литератора и мужчины жить так, как он живет. Неполный месяц, проведенный под одной крышей с этим великого ума человеком, литературным волком, дал мне больше, чем кому-то Высшие литературные курсы.

И примерно в это же время года, в это же время суток возвращались мы с ним от того же Юры Воронова, и проходя мимо того дома, я снова вижу этого человека и эту скамью!

Мы проходили совсем близко, и Василий Александрович раскланялся с ним, как с давним знакомым, и тот кивнул ему в ответ. Я же старался запомнить — где точно находится скамья...

На следующее утро, пораньше, злодейски озираясь, я распаковывал пехотную лопатку, которую невежественные штатские мужчины именуют отчего-то сапёрной...

Вот, именно тут вчера я видел скамью, и вот тут был столб... Я аккуратно срезал и отложил в сторону дёрн, и острозаточенным прутком электрода стал зонди-

ровать почву, и именно в том месте, где я и предполагал, штырь уткнулся во что-то мягкое на глубине примерно двадцати сантиметров, и я уже не удивился, когда лопатка отрыла остатки сгнившего столба...

Вот и все истории о Сталине.

Удивлены тем, что так мало действия? А таким он и был — немногословным, сдержанным... Доведётся если когда УВИДЕТЬ Гитлера — вот тут будут и истерические вопли, и по полу он будет кататься в иступлении, и ковры грызть...

Надежда ШИЛОВА

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Знакомая дорога, знакомые места... Невольно вспоминается прошлое.

После окончания пединститута Судьба (по имени «Распределение») забросила меня в один из небольших городков Вологодской области. Не стану углубляться в особенности профессии. Начну с главного. Нас было трое молодых (по 22 года), и мы должны были посещать уроки стажистов, набираться у них опыта. Я выбрала 10-й класс, где преподавал мужчина.

Урок начался с недоуменных взглядов и хихикания. Не помню темы. Помню только, что в этом классе училась «скандальная» троица. Если в школе что-то происходило, то цеплялись в первую очередь за них.

Через несколько минут ко мне на стол легла записка с предложением подружиться (автора я узнала по почерку). Естественно, она осталась без ответа (я ведь все-таки педагог).

Из троих мне нравился один. У него было ласковое прозвище «Мурлыка», чуть-чуть созвучное с фамилией. Догадывался ли он об этом, я не знаю, но однажды пришел ко мне с просьбой написать за него сочинение, так как ему «светила» двойка за четверть.

В молодости я была отчаянной авантюристкой и, естественно, согласилась. Оплату предложила своеобразную (надеясь, что она его остановит): поцелуй за каждую страницу. Мурлыка согласился. (Теперь-то я понимаю, что 22 и 17 — не такой уж большой разрыв, но тогда мне так не казалось).

Сочинение заняло 8 страниц, и Леня получил за него «четверку», а за четверть — вождяленную «тройку». Преподаватель, конечно, заподозрил, что писала сочинение я, но ему не нужны были хлопоты с «двоечниками».

Как ни смешно, но «расчет» состоялся, и после него, по-моему, мы оба понравились друг другу еще больше. Мурлыка стал часто забегать ко мне поболтать, попить чаю, а пересуды уже пошли. Да Бог с ними, с пересудами: в этом городке я прошла такую школу сплетен, что закалилась на всю жизнь.

В школе — вежливый поклон всей троицы, вне — несколько фамильярное «Борисовна».

Когда я заболела и лежала дома с воспалением легких, именно Леня был со мной, помогал и даже согревал (очень целомудренно, между прочим).

Потом я попала в больницу, и вся компания регулярно навещала меня. Думаете, заботились о заболевшем педагоге? Как бы не так: они дружно поедали конфеты, которыми меня буквально заваливали посетители.

На выпускном экзамене я тоже помогла ему, правда, историк, председатель комиссии, заметила, что для ученика у него «тяжеловат стиль». И вот ворона, умудрился списать с ошибками и получил 4/4.

Не помню, общались ли мы с Мурлыкой после окончания школы (он, кажется, куда-то уехал или ушел в армию).

Один раз я видела его на промежуточной остановке автобуса, когда уже работала в Вологде, а он отслужил в армии. Да, я же забыла описать своего героя. Он выделялся из всей троицы. Изящный, темноволосый, с обаятельной улыбкой. Он знал о своей привлекательности и специально носил белые «водолазки», очень модные в 70-е годы (теперь уже прошлого века). Второй — как бы теперь сказали — «качок» и третий — шустрый крепыш невысокого роста.

Позже я узнала, что женился он на дочери школьной «библиотекарши», а потом нелепо погиб, пытаясь забраться на балкон, чтобы открыть захлопнувшуюся в квартиру дверь.

Так бы все и кануло в прошлое, если бы не одно событие. С друзьями я поехала на машине покататься. Летний день, зелень, пение птиц, романтическое настроение. Не знаю, почему, но я попросила поехать в тот самый городок моей молодости. Дорога шла мимо кладбища...

Дальнейшее помню смутно. Я останавливаю машину, иду среди могил, пока не упрусь в ограду, за которой на памятнике — знакомое милое лицо в той самой белой «водолазке». Могила завалена свежими цветами. Я вхожу, вытираю овал и целую его в губы.

...Странное помещение. Оно замкнутое, пахнет сырой землей. Шипя, горят свечи. Я сижу у гроба, в котором лежит Мурлыка, молодой и красивый, как прежде. Я не испытываю страха, когда он садится, улыбается и обнимает меня. Руки теплые, как тогда, когда он согревал меня во время болезни. Он прикасается ко мне щекой. Юная, нежная кожа... Леня молчит, но я ясно слышу слова: «Я знал, что ты когда-нибудь придешь. Я любил в своей жизни только тебя».

...Не помню, как я очутилась в машине, как везли меня домой, погружали в ванну. Позже ребята рассказали, что как только я поцеловала фотографию, то на несколько секунд исчезла, а потом появилась уже за оградой.

Теперь я вспоминаю эту поездку и не забуду Ленечкины слова, которые он сказал мне на прощание: «Пока ты меня помнишь, я жив. Жду тебя через год снова в мой день рождения».

И я еду, чтобы узнать, ЧТО ЭТО БЫЛО?

Наш лауреат

НАШ ЛАУРЕАТ

Новый Лауреат нашего журнала — москвич Виталий Маркович Бакуменко. Он отмечен за прекрасные публикации в «Автографе», за большую просветительскую работу.

БАКУМЕНКО ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ, родился 9 марта 1937 года в городе Кривой Рог, Днепропетровской области в семье шахтёра. В 1958 г. окончил Днепропетровское музыкальное училище им. М. И. Глинки, в 1963 — Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (ныне Российская Академия музыки). Профессия: оперный, концертный певец, педагог. Ветеран Большого театра России. С 1964 г. совмещает певческую работу с журналистской. Опубликовал 670 статей, очерков, эссе на музыкальные и театральные темы, о художниках книги и экслибриса, библиофильских находках и миниатюрных книжках, духовных композиторах и забытых певцах прошлого, о современной поэзии и прозе.

Многопрофильный коллекционер, но главное увлечение — искусство экслибриса. Библиофил с полувековым стажем, собрал библиотеку, в каталоге которой сейчас 10.200 книг. Выпустил альбомы-каталоги «Есениниана Василия Леоненко», «Валерий Покатов — художник книги и экслибриса», «На рубеже веков, или Итоги XX века», миниатюрные книжки об экслибрисном творчестве художников Ф. Д. Константинова, Е. Г. Синилова, Ф. Д. Молибоженко, «Образ Пушкина в экслибрисе», «Слово о полку Игореве» в экслибрисах». Подготовил к печати сборники «Знаки книголюбия», «Магнетизм большого в малом», «Любовь диктует слова».

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЭКСЛИБРИСА

ПЕРВЫЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
КОНГРЕСС
ЭКСЛИБРИСА

Вологда
17-19.IX.2004

ПЕРВЫЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
КОНГРЕСС
ЭКСЛИБРИСА

Вологда
17-19.IX.2004

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Российская ассоциация экслибриса,
Оргкомитет Первого Всероссийского конгресса экслибриса
благодарит Вас,

*Виталий Маркович
Бакуменко*

за помощь в организации и активное творческое участие
в проведении Первого Всероссийского конгресса экслибриса
и Всероссийской выставки экслибриса РАЗ в Вологде
в сентябре - октябре 2004 года

Желаем творческих успехов, счастья
и благополучия

Президент
Российской ассоциации экслибриса

[Signature]
В. Г. Бепиков

Председатель оргкомитета
конгресса

[Signature]
В. В. Воронкина

Президент конгресса

[Signature]
С. Ф. Пушкин

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

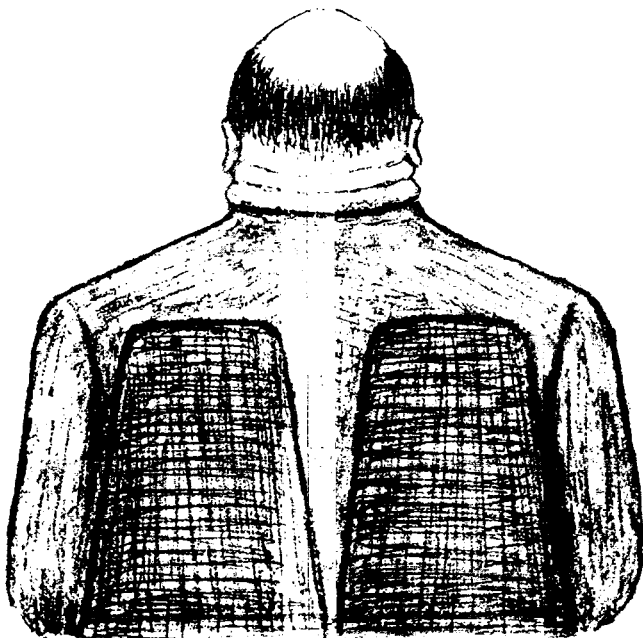
Стихи
Е. Саблиной

Мелодия
В. Бакуменко

м. В темпе вальса

СВЕЖИЙ ВЕ-тер по сгальным проше́д. Просветил в тиши-не
ка-би-не-тов. Бо-же мой, до че-го хо-ро-шо
Жить на э-том проветренном све-те!..
Как протяжен, го-ряч и то-скив, Как стреми-те-лен
не-на-душ-ман Вдохновен-ного вет-ра по рив
От Моск-вы до песков Ка-ра-ку-мов.
Что ты, ве-тер? Ре-аль-ность? Ми-рак? Что ты кру-тишь
по э-той пла-не-те, Как не-ви-ди-мый родствен-ник наш,
Не сти-ха-ю-щий наш благо — де-тель!
И-ли, мо-жет быть, при-зван ты быть Про-пой-сой
от-ва-ги и стра-сти, Чтоб ус-нув-шую со-
весь бу-дить От из-ме-ны и сы-то-го сча-стья?

Москва 12.01.2005

А. ЯКУНИЧЕВУ

В двух креслах важно Голова наш восседает.
Хоть в городе бардак, но люд не возражает.
В чем, спросите, причина? Она общеизвестна:
ему и в трех-то креслах, пожалуй, будет тесно.

В. ПОЗГАЛЕВУ

Впереди «паровоза», намыливши пятки,
крутой губернатор бежит без оглядки.
Спешит он своих земляков доконать,
вождям угодить и себя показать.
А вождь-машинист Славе машет рукою:
— Уж больно ретив, не успеть за тобою.
От бешеной гонки трясет «паровоз».
Вот-вот ведь с составом уйдет под откос.

Рисунок и тексты Петра Кузьмина

ЮБИЛЕИ

У нас какие-то перекорёженные представления о прекрасном. Эти мысли навяло на меня недавнее соотношение двух юбилеев, которые любопытным образом были поданы нашим (т. е. существующим на наши деньги!) телевидением. Особенно запомнился выпуск новостей на НТВ в день шолоховского 100-летия, где куций репортаж о создателе «Тихого Дона» предваряло развёрнутое поминовение И. Бродского. Да и размещение шолоховского сюжета в самом конце «Вестей» вечером того же дня удачей не назовёшь.

Сравните две даты — 100 и 65. Какая круглее? Ответ понятен. Но наше телевидение почему-то решило, что некоторые классики равны, а некоторые равнее. И в силу этого не очень круглый юбилей И. Бродского подавался едва ли не с большей помпой и торжественностью, нежели столетие Михаила Шолохова.

«ЛГ»

* * *

А вот новые стихи Вознесенского осилить уже мало кто может. Кто-то считает, что поэт придумал какое-то особое течение. Но большинство критиков склонно в новейших упражнениях поэта видеть поток графомании.

«ЛР»

ИТОГИ РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ ВЯЧЕСЛАВА КУЗНЕЦОВА

Подведены итоги литературного конкурса имени академика Петровской академии наук и искусств, русского поэта Вячеслава Кузнецова. Более двухсот авторов со всех уголков страны прислали свои книги, рукописи. Такое обилие стихотворного материала и радует, и огорчает одновременно. Радует — энергичность и оптимизм литераторов. Огорчает — качество стихотворных произведений. Главная беда — отсутствие редакторского надзора. Среди тех, кто справился со всеми проблемами и представил конкурсной комиссии полноценные работы, особое место занимают вологодские писатели.

Елена Саблина не является членом Союза писателей России, однако стихи ее выделяются, из вологодской поэзии, и признание её как поэта состоялось.

Всей стране известны дневниковые записи ленинградской школьницы Тани Савичевой, рисунки Надежды Рушевой... Стихи Светланы Липиной, погибшей в четырнадцатилетнем возрасте, несомненно, ждёт такая же известность. Питерская школьница своей печальной поэзией воспела трагический век, в котором довелось ей пожить. Не зная основ стихосложения, девочка сумела передать чувства и переживания языком, далеко не свойственным её возрасту.

Феномен Липиной ещё найдёт своих исследователей из числа современных литераторов...

Уже одно то, что обнародованы имена таких талантов, как Елена Саблина и Светлана Липина, даёт основания полагать, что литературный конкурс имени Вячеслава Кузнецова свою задачу выполнил.

Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ, председатель жюри конкурса, СПб.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА:

Елена Саблина (г. Вологда), Светлана Липина (Санкт-Петербург), Иван Рассадников (г. Новосибирск), Владимир Никитин (Санкт-Петербург), Мария Амфилохьева (Санкт-Петербург), Людмила Новикова (Санкт-Петербург), Юрий Максин (г. Устюжна).

* * *

От души поздравляем с юбилеем автора нашего журнала череповецкого художника и поэта В. А. Шагинова, автора интересного портрета Рубцова. Успехов! Здоровья!

Редакция

ФАКТЫ И МНЕНИЯ

* * *

Вал этнической преступности захлестывает Поволжье. А наши СМИ все галдят о русском фашизме.

Из газет

* * *

Переведя в «зеленые» наши «деревянные», получаем в среднем 4,3 цента за 1 кВт/ч. Получается, что за свет россияне уже платят больше, чем американцы, канадцы, французы и немцы.

С. Куликов

МОЛЧАНИЕ КРЕМЛЯ

Вы будете смеяться. Но в многочисленных обращениях российской власти к народу, в том числе в посланиях Федеральному собранию, прозвучавших в последние годы, нет ничего об отечественной культуре. Ни слова! Про борьбу с бедностью есть, а про борьбу с духовной нищетой (не путать с «нищими духом») нет. Про обуздание инфляции имеется, а про обуздание взбесившегося масскульта ни-ни! Даже про нравственность недавно заговорили, а про культуру, собственно, формирующую и поддерживающую моральные устои общества, снова забыли!

Ю. Поляков

* * *

Цена наших реформ оказалась непомерно высока. Свободы получила в основном интеллигенция. Покупал наш брат, гуманитарий и учёные, ездил по заграницам и говорил, что в голову взбрёт, небольшая группа людей завладела государственным достоянием. А народ, который сегодня называют «населением», лишился последнего, в первую очередь социальных гарантий и поддержки со стороны государства. И стал просто вымирать. Демократия теперь ассоциируется прежде всего со вседозволенностью, основанной на безнаказанности. Как будто кто-то специально сделал все, чтобы закрыть России путь в будущее. Между тем демократия — это совсем иное, это прежде всего возможность широких народных слоев влиять на власть и защищать свои права.

«ЛГ»

«ДАЙ, ДЖИМ, НА СЧАСТЬЕ ЛАПУ МНЕ...»

Гимн доберману

Знаете ли вы, какой породы была собака Качалова, которой Сергей Есенин посвятил известные стихи «Дай, Джим, на счастье лапу мне»? Представитель какой породы удостоился любви и привязанности великого актера, как к человеку, интимно-доверительного, дружеского обращения великого поэта?

Это исторический факт, и речь пойдет о добермане, о собаке, по праву носящей в названии своей породы имя конкретного человека — селекционера-самоучки, жителя городка Апольда (Германия) Карла Фридриха Луиса Добермана.

В. И. Качалов обожал своего добермана, уважительно и с иронией величая его Джином Трефовичем. Вероятно, Джим был потомком легендарного Трефа — лучшей полицейской собаки в России начала прошлого века.

Не по воле случая доберман признан сегодня одной из самых популярных пород во всем мире. При первом же взгляде на хорошего добермана, человек испытывает эмоциональный подъем, его приводит в восторг монументально-величественная, завораживающая внешность эlegantных, гармонично сложенных, благородных, словно вылепленных по одному образцу собак.

Доберман Джим В. И. Качалова был почти черного цвета, с коричневыми подпалинами на груди и брюхе. Об этом писал в конце 60-х годов прошлого века сын Качалова Вадим Васильевич Шверубович. И тогда же он любезно прислал сохранившуюся фотографию Джима известному литературному исследователю И. А. Синеекову в г. Ялту.

Необычайно трогательная и нежная дружба связывала Василия Ивановича Качалова с Сергеем Есениным. В семье великого актера поэт быстро стал своим человеком. Он запросто бывал у Качаловых, по вечерам охотно и задушевно читал свои стихи. Все забывали о времени и засиживались порой допоздна.

«Поднимаюсь по лестнице, — писал Качалов, — и слышу радостный лай Джима... Я вошел и увидел Есенина и Джима — они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одной рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: «Что это за лапа, я сроду не видал такой». Джим радостно взвизгивал, стремительно высовывал голову из подмышки Есенина и лизал его лицо. Есенин встал и с трудом старался освободиться от Джима, но тот продолжал на него скакать и еще несколько раз лизнул его в нос. «Да постой же, может быть, я не хочу больше с тобой целоваться. Что же ты, как пьяный, всё время лезешь целоваться?»».

По словам Качалова, его Джим внимательно смотрел в лицо своего нового знакомого, когда тот читал стихи, и не хотел уходить из комнаты до глубокой ночи... Перед уходом Есенин снова долго жал ему лапу? «Ах ты чёрт, трудно с тобой расстаться. Я ему сегодня же напишу стихи. Приду домой и напишу».

И сдержал обещание...

Через некоторое время С. Есенин торжественно читал написанное стихотворение «Собаке Качалова»:

*Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду,
Дай, Джим, на счастье лапу мне...*

Нужно сказать, что «члена семьи» Качалова, собаку Джима, увековечил не только Есенин.

В семье Василия Ивановича хранится «портрет Джима», написанный маслом в 1924–1925 гг. художницей О. Л. Делавос-Кардовской.

В малой графике — экслибрисах Джим запечатлен несколькими художниками, где мы видим его с Сергеем Есениным. Самым первым книжным знаком таким была миниатюра, выполненная художником-анималистом Г. Н. Карловым в 1971 году. Есть такой знак и у харьковского художника Н. С. Неймеша.

Внес свой вклад в Есениниану и художник-график В. В. Покатов. Работает В. Покатов главным художником в московском издательстве «Пашков Дом». Большой удачей следует назвать его работу «С. Есенин и Джим», выполненную в 2003 году для автора этих строк.

В.МЕРКУЛОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

А. Евтихиева «Гоголь русского зарубежья», Москва, 2001. Впервые дается обзор литературы о Гоголе, которая создана русскими авторами за рубежом, начиная с начала 20 века.

Э. Кириллова «От шансона до оперы», Вологда, 2004. Концертная жизнь Вологды второй половины 20 века.

«Автограф» № 40, журнал, Вологда, 2005. Весь номер посвящен 70-летию со дня рождения Н. Рубцова. Авторы публикаций — И. Серков, Н. Шантаренков, Г. Семенова, В. Бакуменко, С. Лагереv, В. Белков, В. Бараков, С. Чухин, Ю. Максин, Е. Саблина, Н. Бушенев и др. Новые неизвестные материалы о Рубцове.

Виталий Бакуменко «Сергей Есенин в творчестве художника Василия Леоненко», книга-альбом, Чернигов-Москва-Вологда, 2005. Экслибрисы украинского художника.

«Николай Рубцов в творчестве современных художников», альбом-каталог, Вологда, 2005. Живопись, графика, экслибрисы, скульптура. Великолепное издание, созданное трудами В. Воропанова и Л. Сосниной.

В. Бакуменко «Он рассказывает о будущем...», ж. «Юность», № 8, 2005. Статья о вологодском графике Л. Щетневe. Весь номер иллюстрирован работами художника.

В. Белков. Трехстишия, журнал Ні, Япония, 2004, 2005. Миниатюры вологодского автора на русском и японском языках в нескольких номерах журнала.

Св. Игошева «На краю гнезда», стихи, Вологда, 2005. Поэтесса родилась в том самом селе Никольском Тотемского района.

Н. Шашуков «Индасарь», стихи. Сокол, 2005. Тираж 500 экз. Издано на средства автора.

А. Кузнецов «Легенды, предания и были Тотемского уезда», Вологда, 2005. Новая книга известного ученого-краеведа.

Алёна Родина «Волки», стихи, Вологда, 2005. Череповецкая поэтесса. Издательство Юрия Малоземова.

Антон Чёрный «Отсебятина», стихи разных лет, Вологда, 2003.

Виталий БАКУМЕНКО

ИМЯ ИЗ ВОЛОГОДСКОГО КАТАЛОГА

На грандиозной выставке экслибрисов в Вологодской картинной галерее, приуроченной к проведению Первого Всероссийского конгресса экслибриса, обращали особое внимание стенды книжных знаков московского графика Владимира Потапова. Они выделялись новаторскими композициями, какой-то особой чеканкой штрихов и линий, необычностью шрифтовых гарнитур и уникальной монограммой художника. Два замечательных экслибриса этого художника помещены и в прекрасном Каталоге-альбоме, посвященном этому крупному событию в культурной жизни Вологды и России. Поскольку в Каталоге биография художника Потапова дана недостаточно полно и с ошибками, мы предлагаем нашим читателям более подробный вариант.

Владимир Владимирович Потапов родился 3 мая 1945 года в городе Ногинске Московской области. Детство и юность будущий художник провел в небольшом поселке Старое Торбеево на реке Клязьме. У него очень рано проявились способности к рисованию и музыке, поэтому мальчик стал заниматься в изостудии и играл в оркестре народных инструментов. Но все же победило со временем первое призвание. Впрочем до поступления в Московское художественное училище памяти 1905 года Владимир Потапов прошел серьезные жизненные университеты. После окончания школы он устроился работать на Новоткацкой фабрике неподалеку от Ногинска. Там он получил замечательную профессию столяра, так пригводившуюся потом и в жизни, и в творчестве.

Поступив в Художественное училище, Владимир Потапов начал постигать премудрости искусства графики под руководством известного художника Вадима Сергеевича Житникова. Поскольку сам Житников является признанным мастером искусства экслибриса, он и своим питомцам прививает любовь к этому замечательному жанру. Поэтому и Владимир Потапов уже на первом курсе училища выгравировал свои первые экслибрисы.

Это были автоэкслибрисы, а также знаки для наставника. Затем новые экслибрисы Владимира Потапова появлялись на протяжении всех лет учебы в училище и к диплому их набралось столько, что они стали появляться на многочисленных выставках.

После окончания училища творческая жизнь Владимира Потапова складывалась весьма успешно, но художник принимает решение получить высшее образование. Он поступает в Московский Полиграфический институт, учебу Владимир Потапов совмещал с работой в кабинете офорта в Художественном институте имени В. И. Сурикова.

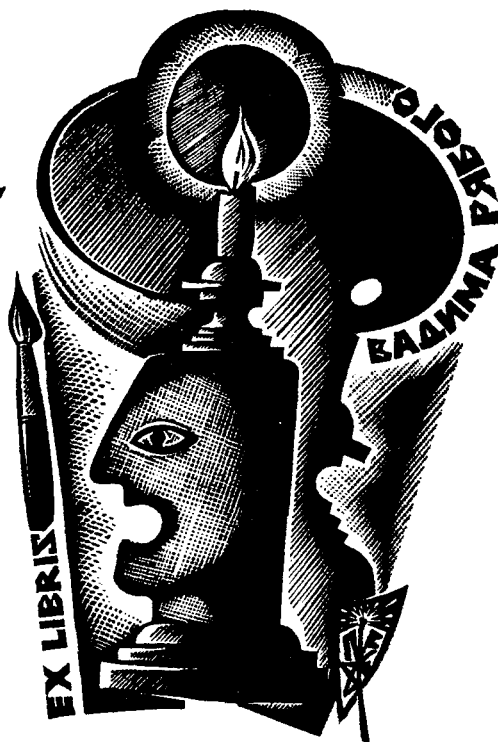
В годы учебы в институте Владимир Потапов исключительно интенсивно работал над созданием новых экслибрисов, создав более 100 знаков.

Владимир Потапов создал много экслибрисов для личных библиотек ученых, писателей, журналистов, а также для общественных организаций. Самые проникновенные и поэтичные книжные знаки художник выгравировал своим друзьям-коллегам Ю. Ноздрину, Д. Пальцеву, В. Сорокину, А. Щелокову...

Как незаурядный мастер книжного знака Владимир Потапов стремительно вырос и сформировался в течение непродолжительного времени. Это можно увидеть на примере наших иллюстраций.

Конечно, основным блоком экслибрисов Владимир Потапов создал в полнобившейся ему технике линогравюры, но он экспериментировал и в других техниках. Особо отметим удачные опыты Потапова в техниках литографии, офорта и ксилографии. Кстати, художник и начинал свой поиск в жанре экслибриса с гравюры на дереве, да еще на таком неподатли-

вом и трудном, как граб. Но все же песней Владимира Потапова в искусстве графики стала линогравюра. Именно в этой хрупкой и капризной технике художник нашел себя и сумел сказать новое слово в искусстве графики.

125 ЭКСЛИБРИСОВ ВАСИЛИЯ ШУКЛИНА

Известный русский художник Василий Григорьевич Шуклин вошел в историю экслибрисного движения прошлого века как крупнейший представитель графики малых форм Курской земли. Он родился в семье художника в городе Курске в 1905 году. Первые уроки рисования получил у отца. Большое влияние на формирование творческой личности будущего продолжателя династии оказал его дядя, известный русский скульптор, выпускник Петербургской Академии художеств Иван Андрианович Шуклин. Самая известная работа И. А. Шуклина — памятник выдающемуся русскому поэту Ивану Саввичу Никитину в Воронеже.

В 1930 году Василий Шуклин окончил Ленинградский художественно-промышленный техникум. Его педагоги А. М. Литвиненко и В. Н. Левицкий привили молодому художнику любовь к графической миниатюре. Поэтому еще на студенческой скамье Василий Шуклин создал свои первые экслибрисы. Знаки Бориса Кожина, Влад. Мичурина и Нины Шуклиной отличались зрелым мастерством и композиционной изобретательностью. Так было положено начало работе над книжными знаками.

К сожалению, Василий Шуклин часто делал большие паузы в работе над экслибрисами, будучи загруженным иной творческой работой и общественной деятельностью. Став членом Союза художников СССР в 1936 году, Василий Григорьевич был одним из организаторов Курского отделения Союза художников и много лет возглавлял его правление.

В предвоенные годы в Курске появился активный пропагандист искусства экслибриса и блестящий мастер книжных знаков Леонид Александрович Литошенко. Именно с ним В. Г. Шуклин устроил в Курске в 1940 году первую выставку книжного знака. Вдохновленный примером Литошенко, Шуклин в тот период снова активно стал трудиться над созданием новых экслибрисов. Эту работу прервала война, участником которой был и художник В. Г. Шуклин. Только лишь в 1948 году художник возвращается к экслибрисному творчеству. Но и в первые послевоенные годы он довольно редко работает над новыми книжными знаками. Лишь в последние годы жизни Василий Григорьевич сосредоточил всю свою творческую энергию на создании экслибрисов. Именно в ту пору Шуклин создал основной блок своих книжных миниатюр, отличающихся редкостным изяществом и филигранным мастерством, самобытностью и поэтичностью.

В эти годы В. Г. Шуклин проводил также огромную работу по пропаганде искусства книжного знака, привлекал молодых художников к работе над произведениями малой графики, организовывал выставки курского экслибриса, активно занимался исследованиями в области истории русского книжного знака. Особой симпатии и восхищения заслуживает благородная цель, которую поставил перед собой Василий Григорьевич Шуклин в ту пору: доказать, что в России книжный знак появился не путем механического переноса западноевропейской традиции, а имеет свои корни, уходящие в глубь веков.

Василий Григорьевич Шуклин создал 125 экслибрисов. Большинство из них адресовано друзьям, близким, коллегам, однополчанам художника. Но немало среди поэтичных миниатюр большого мастера знаков, которые были предназначены украшать библиотеки и книжные собрания известнейших исследователей и пропагандистов искусства экслибриса. В этом ряду встречаем такие известные имена, как Алексей Алексеевич Сидоров, Владимир Дорфеевич Королук, Семен Георгиевич Ивенский, Олег Григорьевич Ласунский, Яков Исаакович Бердичевский, Евгений

Николаевич Минаев, Виктор Федорович Панкратов, Соломон Абрамович Буль, Виктор Михайлович Манжуло... Этот список говорит о том, что художник Василий Григорьевич Шуклин из своего родного города Курска, который он покидал только на годы учебы и войны, активно поддерживал творческие связи со всей тогда огромной страной и постоянно держал руку на пульсе экслибрисного движения.

Шуклин был не только художником и исследователем, но и незаурядным педагогом и увлеченнейшим коллекционером широкого профиля. Кроме любимого искусства графики

и экслибриса, художник активно коллекционировал самые разные предметы произведений мастеров художественных промыслов.

Даже по нескольким иллюстрациям нашей статьи, которую мы посвящаем 100-летию со дня рождения Василия Григорьевича Шуклина (1905-1978), можно в полной мере оценить, какой это был тонкий и самобытный мастер рисунка и искусства графики во всех ее основных техниках, включая божественную ксилографию.

Виталий БАКУМЕНКО

КОЗА

Журнал ищет спонсоров

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

41

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Герцена, 36. Союз писателей.
Вячеславу Белкову

Сдано в набор 26. XI. Подп. в печать 9. XII
Заказ № 733

Вологда
2005

